

— За последние годы в вашей карьере было много критических моментов. Принесли ли вам удовлетворение успех фильма «Крестный отец»?

— Да, если говорить об удаче, фильм принес мне удовлетворение. Но вообще, по-моему, успех и слава не имеют ничего общего с трудом, который должен был бы их оправдать. Слава превратилась в самоцель. Сейчас все заботится не о том, чтобы создать что-то нужное, хорошее, а о том, как бы стать знаменитыми. Это стало своего рода социальной болезнью, которой все мы заражены в той или иной степени.

— Не кажется ли вам, что вы, Марлон Брандо, как художник можете помогать людям лучше понимать друг друга?

— Ничуть. Рекламная техника гораздо эффективнее меня, художника, в смысле влияния, оказываемого на людей. Вам говорят, какие сигареты нужно курить, какую носить одежду, какими косметическими товарами пользоваться, какой покупать автомобиль, вам указывают даже, что вы должны есть. Специалисты рекламы, особенно те, что пользуются телевидением, могут сделать из нас все, что захотят. Обыватель все переварит. Такова особенность нашей эры техники. Но хотя мы имеем возможность оказывать влияние на себе подобных во второстепенных вопросах, не следует думать, будто мы можем изменить саму душу человека.

...Иногда, посмотрев фильм, прочитав книгу, мы начинаем чувствовать, что близки к какому-то откровению. Эта интуиция, это почти не поддающееся определению чувство, по мере того, как мы размышляем над увиденным или прочитанным, все растет и крепнет. И то, что в нас происходит, мы приписываем воздействию фильма или книги.

— К сожалению, люди идут в кино не ради откровения, а для того, чтобы развлечься, посмотреть игру того или иного актера.

— Нет. Отношения, устанавливающиеся между артистом и его публикой, сложнее. Зрители считают фильм хорошим лишь в том случае, если артист сумел воплотить их фантазию, придуманные ими призраки, и показать их такими, какими видят их они. Но если работа артиста не отвечает их чувствам или если философия фильма не отвечает их философии, зрители отвергают его.

— Значит, артист — это не что иное, как воплощение фантазии публики?

— Артист — как домашнее животное. Поклонник какого-нибудь артиста думает о нем так, как можно думать о любимой собаке или кошке. Душевная привязанность побуждает хозяина приписывать животному достоинства, недостатки или черты, которых у того, быть может, вовсе нет. То же самое происходит и с актером. Он вскоре превращается в орудие, в средство, отдающее свое лицо и тело призракам, придуманным самой публикой.

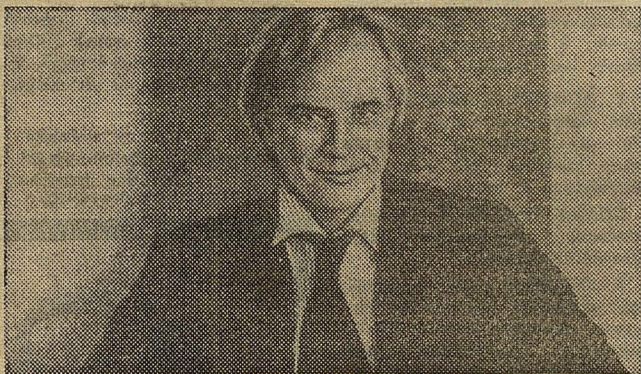
— Если все это так, выходит, что роль артиста доволь-

но ограничена. А ведь артисту всегда следовало бы знать, что именно готова принять публика.

— Меня лично мой облик мало интересует. Но большинство людей страдает от этого: чем можно объяснить успех многих рекламируемых товаров, как не желанием самой публики, чтобы ее обманули рекламой? То же самое происходит и в политике. Цель наших политических деятелей, как и цель специалистов по рекламе, состоит в том, чтобы сбыть определенный товар. Это уже от потребителя зависит, что именно ему будут навязывать: мужество, национальную гордость, сексуальное превосходство или отвегу. Все это — средства манипуляции людьми.

Марлон БРАНДО:

«МЫ ЛИШЕНЫ ЧУВСТВА СПРАВЕДЛИВОСТИ...»

Творчество американского актера Марлона Брандо связано с лучшими лентами кино США. Им сыграны главные роли в фильмах «Трамвай Желание», «На набережной», «Вива, Сапата», «Молодые львы», «Погоня», «Крестный отец». Несколько лет тому назад Брандо расторгнул контракт с Голливудом. В предлагаемом нами интервью, которое мы перепечатаем с сокращениями из итальянского журнала «Эуропа», Брандо говорит о том, как бесконечно мала роль актера в современном западном киноискусстве, превращенном в

До недавнего времени нам говорили, например, что война во Вьетнаме необходима, а вот теперь многие политические деятели доказывают, что это совсем не так... Но самое страшное, самое чудовищное заключается в том, что многие мои соотечественники никогда, ни на одну минуту не сомневались в своей правоте, что они никогда не задавались вопросом: а действительно ли Соединенные Штаты поступают правильно?

— Другими словами, они считали и считают, что Америка — самая ответственная и самая уважаемая страна в мире...

— Совершенно верно. Однако история все это опровергает. Нам, конечно, проще и удобнее не вспоминать об этом. Мы, американцы, без всяких на то оснований решили быть силой, несущей

ответственность за весь мир, и всегда находим моральное оправдание своим действиям. Все забывают, что мы заключили четыреста договоров с индейцами и что ни один из этих договоров не выполнили. И однажды наступил момент, когда мы начали истреблять индейцев — физически, экономически, духовно, — и весьма преуспели в этом малопочтенном занятии.

— Что же остается делать? Сушить весла? Говорят, вы купили остров где-то в тропиках.

— Я не считаю приобретение острова свидетельством того, что я отступил или, как вы выразились, намерен сушить весла. Я хочу, чтобы он стал образцом совсем иного, нового образа

хорошо, как чужая частная жизнь.

— Теперь поговорим о сегодняшнем дне или о ближайшем будущем. Каковы ваши планы?

— Я бы хотел делать фильмы, непосредственно затрагивающие всех нас. Фильмы о загрязнении окружающей среды, о насилии, агрессивности, перенаселенности Земли. Фильмы не художественные, а документальные. Через несколько месяцев я намерен начать работать над документальным фильмом об американских индейцах.

— Чем вы собираетесь заниматься еще?

— Хотелось бы также снять фильмы о некоторых аспектах жизни, обычно остающихся в тени. Вот вы сидите и спокойно беседуете со мной, зная, что в эту самую минуту во Вьетнаме сжигают детей напалмом. В общем я хотел бы рассказать о фактах, как бы удаленных от нас и, на первый взгляд, нас непосредственно не затрагивающих.

Я хотел бы показать, что когда события видишь вблизи, то начинаешь пересматривать многие идеи, принципы, факты, которые стали для нас привычными только потому, что они от нас удалены.

— Вы считаете, что такого «приближения» достаточно?

— Нет, конечно, нет. Увы. Грустно говорить об этом, но мы не умеем смотреть на вещи в перспективе, мы лишены чувства справедливости. Даже когда наши преступления очевидны для всех, мы продолжаем отрицать свою вину. Мы не желаем признавать, что Америка может ошибаться. Вы помните процесс над лейтенантом Келли? Большинство американцев не хотело, чтобы его осудили. Но ведь во время второй мировой войны все американцы, как и весь мир, желали гибели нацистам. После войны американцы обвиняли многих: японцев, немцев, итальянцев. А вот теперь, когда вина падает на Америку, все обстоит по-иному. Мы не можем признаться, что поступали плохо.

— Сейчас снимается много политических фильмов. Неужели вы считаете, что они не оказывают воздействия на зрителя?

— Снимать политические фильмы — очень нужное дело. «Юнайтед Артисты», например, сейчас готовит два фильма режиссеров-коммунистов. Я не коммунист и вообще никогда не состоял ни в какой партии, но считаю, что очень важно отнестись к точке зрения коммунистов по-умному и задаться вопросом: «К чему они стремятся?»

— После «Крестного» вы, наверное, получили много предложений.

— Странно, но я никогда не был по-настоящему актером. Я стал им потому, что не знал, как распорядиться своей жизнью. Кто угадает, что было бы, если бы я знал... Проходят годы, прежде чем начинаешь кое-что понимать...

— Вы хотите сказать...

— Да. Что касается моей карьеры артиста, то я думаю, что конец ее очень близок.

«индустрию развлечений». Брандо уже несколько лет не выступает в печати. Он сказал корреспонденту «Эуропа», что до 1982 года больше не намерен давать интервью. Горькие разочарования, неприятные «общества потребления», надежды — пусть и утопические — отделить себя от этого общества, стыд за свою страну, которая лишена чувства справедливости и ведет позорную войну во Вьетнаме, — вот безрадостный итог жизни одного из талантливейших американских актеров современности.

жизни. Я хочу доказать, что можно жить, потребляя гораздо меньше энергии, и плевать на ресурсы современного мира. Мы уж как-нибудь обойдемся без нефтяных монополий, бензиновых картелей, стали и автомобилей. Мы не допустим, чтобы за наш счет жирели паразиты, высасывающие кровь из современного общества развитой техники.

— Ваши идеи очень интересуют людей. Почему вы против информации, касающейся лично вас?

— Информация, вне всяких сомнений, — одна из самых крупных отраслей индустрии в мире. Каждый вопрос снабжен этикеткой с указанием цены, и каждый, кому удастся ответить на этот вопрос с привлечением наибольшего количества интимных подробностей, получит за это наибольшую мзду. Нет ничего, что продавалось бы так же